

М. П. Азанчевский — директор Санкт-Петербургской консерватории*

Главные деяния М. П. Азанчевского на посту директора Санкт-Петербургской консерватории известны. Это первое кадровое представление нового директора — приглашение в консерваторию Николая Андреевича Римского-Корсакова, деяние providческое и судьбоносное. И принесение в дар консерватории своей уникальной библиотеки. Менее известны другие начинания Азанчевского и проведенные им всего за несколько лет (1871–1876) преобразования, которые, однако, сыграли важную роль в формировании первой русской консерватории и становлении музыкального образования в России в целом.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская консерватория, М. П. Азанчевский, Русское музыкальное общество, великая княгиня Елена Павловна, музыкальное образование.

Двадцать третьего августа 1873 года в журнале заседания дирекции консерватории появилась запись:

Читали: докладную записку М. П. Азанчевского, представленную августейшей покровительнице консерватории 16 июля сего года при вступлении в должность директора консерватории. В этой записке положены правила, которыми М. П. Азанчевский намерен руководствоваться при управлении консерваторией, а именно: о приеме учащихся и о воспитании учеников, о сроках пребывания учащихся в консерватории, о лицах, преподающих

---

* Статья представляет собой фрагмент книги «Михаил Павлович Азанчевский: известный и неизвестный», которая готовится к публикации в 2013 г.

в консерватории, о преподавателях и о подготовительном училище.

Постановили: ввиду того, что в течение предстоящего курса, по заявлению М. П. Азанчевского, будет выработана всеобщая инструкция, допустить немедленно в виде опыта осуществление предложений, изложенных в записке М. П. Азанчевского, дабы при обсуждении инструкции уже можно было судить, насколько эти предложения целесообразны¹.

Чтобы оценить не только *текст*, но и содержательный *подтекст* записки Азанчевского «О порядке управления консерваторией»², необходимо напомнить, в какой момент она появилась. Согласно представлениям августейшей покровительницы великой княгини Елены Павловны, основным назначением консерватории должна была стать подготовка преимущественно оркестровых музыкантов, что неизбежно приблизило бы ее к учебному заведению ремесленного типа. Даже такое выдающееся начинание А. Г. Рубинштейна, как организация класса «оперных упражнений» (будущая Оперная студия), поддержанное и продолженное Н. И. Зарембой («оперный сценический класс»), прекратило свое существование.

Записка эта — поразительный документ: демонстрируя готовность реализовать установку августейшей покровительницы, М. П. Азанчевский представляет в записке глубоко продуманную и, по сути, системную концепцию развития консерватории как высшего музыкального учебного заведения России, охватывающую все уровни и звенья музыкального образования. Этой концепции он и следует шаг за шагом в своей административной политике и каждодневной административной практике.

Очевидна способность нового директора видеть и формулировать цели самого общего плана, и одновременно — конструктивный прагматизм (как следует решать поставленные задачи).

Настаивая на более строгих условиях приема, что, по мнению автора Записки, повлияет на повышение уровня подготовки и поступающих, и учащихся, М. П. Азанчевский впервые ставит вопрос об учреждении при консерватории подготовительных училищ, откуда для получения дальнейшего, высшего образования допускались «одни только талантливые» — те, кто «выбирает музыкальное искусство своей специальностью». Имея в виду цель готовить для России серьезных музыкальных деятелей, М. П. Азанчевский в записке подчеркнул необходимость повы-

---

¹ ЦГИА. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 12–12 об.

² См. Приложение.

шения уровня педагогического процесса и дисциплины и предложил пересмотреть весь состав учащихся, чтобы отчислить неуспевающих и профессионально неперспективных.

Показателен инцидент, связанный с двумя учащимися, тем более что оба в представлении не нуждаются (отсюда и известный налет анекдотичности, в целом присущий этому сюжету). Один из них — выдающийся композитор и впоследствии профессор консерватории А. К. Лядов, другой — Г. О. Дютш, известный музыкант, дирижер, композитор, впоследствии заведовавший оркестровым классом консерватории; он дирижировал «Русскими симфоническими концертами», концертами Русского музыкального общества. Совместно с этнографом Ф. М. Истоминым Дютш участвовал в первой фольклорной экспедиции песенной комиссии Русского географического общества, положившей начало собиранию русских песен.

Шестнадцатого мая 1875 года и Лядов, и Дютш не явились на экзамен в младшем классе практического сочинения класса Н. А. Римского-Корсакова. Лядов «представил одну часть сонаты, которая оказалась неудовлетворительной. Баллов не поставлено. Инспектор Ю. Иогансен»³.

В журнале заседания дирекции консерватории 8 января 1876 года появилась следующая запись:

Заведующий консерваторией сообщил дирекции о том, что ученики Лядов и Дютш не посещают классов, несмотря на неоднократные замечания, сделанные им по этому поводу как инспектором, так и самим заведующим. Оба этих ученика обладают хорошими музыкальными способностями, и можно было надеяться, что они со временем сделаются полезными музыкальными деятелями, но упорное непосещение ими классов с самого начала учебного курса, несмотря на все принятые к устранению сего меры, ставит начальство консерватории в необходимость представить об их исключении из консерватории, тем более что они обучаются бесплатно: Лядов на счет стипендии, учрежденной в память его отца К. Н. Лядова, а Дютш на счет дирекции СПб. отделения, в уважение отца, бывшего профессора консерватории.

Постановлено: Предоставить заведующему консерваторией на основании приведенных им причин исключить из консерватории Лядова и Дютша⁴.

³ Цит. по: Орлова А. А., Римский-Корсаков В. Н. Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова: Летопись жизни и творчества. Вып. 2. Л., 1971. С. 98.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 215.

Н. А. Римский-Корсаков, учитель обоих исключенных, полагал, что отчисление из консерватории юных Лядова и Дютша, которые «заленились невозможным образом», было продуманным, справедливым и нелегко далось дирекции: «Азанчевский, переговорив со мною и увидев, что с ними сладу нет, решил их исключить»⁵. Уточняя, что Азанчевский «принужден был» это сделать, Римский-Корсаков признается, что в ответ на обращенную к нему просьбу обоих исключенных ходатайствовать об их восстановлении, сам он «...был неколебим и отказался наотрез»⁶. Слова Римского-Корсакова — красноречивое свидетельство того, что Азанчевский-директор был совершенно чужд административного формализма.

В записке большое внимание уделялось улучшению условий жизни нуждающихся учащихся. Назначенные Азанчевскому как директору 1500 рублей в год он отдавал на оплату за обучение нескольких учащихся и на приобретение учебных пособий.

Вопреки стремлению великой княгини Елены Павловны, августейшей покровительницы РМО, ограничить обучение в консерватории оркестровым, фортепианным и вокальным отделами, М. П. Азанчевский не только не закрыл общеобразовательные классы, но укрепил их положение и авторитет в учебном заведении.

Примечателен эпизод, демонстрирующий щепетильно-строгое отношение М. П. Азанчевского к собственным административным просчетам и его максимально серьезный подход к циклу общеобразовательных дисциплин (в чем, возможно, сказался его собственный опыт, связанный со школой гвардейских подпрапорщиков).

Запись в журнале заседания дирекции консерватории 24 мая 1876 года гласит:

Заведующий консерваторией заявил о том, что при выпускных экзаменах в текущем году им было упущено из виду постановление дирекции в мае месяце прошлого года о недопущении к выпускным экзаменам из музыкальных предметов тех учеников, которые не выдержали предварительно экзамена из научных, общеобразовательных предметов по программе, установленной в консерватории; вследствие сего советом профессоров было постановлено на сей раз, по примеру прошедшего года, тем из учеников, выдержавших выпускной экзамен из музыкальных предметов, которые не представили аттестат о научном образовании,

---

⁵ Римский-Корсаков Н. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1980. С. 124.

⁶ Там же.

выдать дипломы и аттестаты консерватории по выдержании ими экзамена из научных предметов.

Постановлено. Ввиду той пользы, которую приносит научное образование для музыкального развития, и признавая необходимым, чтобы окончившие курс в консерватории как высшем музыкально-учебном учреждении, имели и соответствующие познания вообще, дирекция 23-го мая 1875 г. между прочим постановила: «на будущее время без предварительного испытания в сих (научных) предметах, не следует допускать к экзамену на диплом и аттестат».

Подтверждая вновь такое постановление во всей его силе к неперемennomу исполнению, дирекция признает необходимым, чтобы следить за этим, вменить в обязанность лицам, которым вверено будет это заведение, представлять пред открытием публичных выпускных экзаменов дирекции список тех учеников обоого пола, которых предполагается допустить к выпускному экзамену, с надлежащими сведениями об их научном и музыкальном образовании⁷.

Удалось ли Азанчевскому в действительности выполнить свои намерения, столь ярко заявленные в программной записке? Дела учащихся, проблемы обучения, нравственно-этическая атмосфера учебного заведения, наряду с множеством финансовых и хозяйственных вопросов, в том числе и самыми прозаическими: ремонт помещений, перекладка полов и тому подобное, — все оказывалось в поле его внимания.

Вот несколько показательных поступков и начинаний Азанчевского. По его предложению (запись в журнале заседания дирекции 3 декабря 1870 года) постановлено:

Ежегодно служить 2-го февраля панихиду в консерватории в память М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского, из которых первый умер 3-го февраля, а второй родился 5-го февраля, а вечером в тот же день устроить семейный музыкальный вечер, на котором предложить любителям исполнить сочинения этих композиторов. Платы за вход на эти вечера не назначать, но принимать добровольные пожертвования, которые обращать на содержание в консерватории стипендиатов в память М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского⁸.

---

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 234–234 об.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 8. Ед. хр. 65. Л. 161 об., 162.

Это — предложение Азанчевского пока еще в должности председателя Петербургского отделения РМО (пост директора консерватории он займет на будущий год), в котором полностью отражается этическая направленность его административной работы. К тому же консерватория и РМО были настолько тесно связаны, что приказы и распоряжения по одному из учреждений по существу распространялись на оба.

Азанчевский пристально всматривается во все детали организации музыкальной жизни. Новый директор исходит из представления о консерватории не только как об учебном заведении, но и как о центре музыкальной жизни столицы. Так, Азанчевский предложил, чтобы РМО приняло участие в наблюдении за музыкальным репертуаром оркестра, который предполагалось пригласить на счет города для выступлений в саду на Адмиралтейской площади. Подробные соображения по этому предмету он изложил в особой записке, в связи с которой было постановлено «предоставить М. П. Азанчевскому сделать вышеизложенное представление городскому голове от себя лично» (запись в журнале заседания 26 октября 1872 года).

В другой, сходной, ситуации к директору консерватории обращается директор Канцелярии Морского министерства с предложением обсудить проект, на основе которого Морское министерство могло бы передать консерватории образование музыкантов для укомплектования музыкантских хоров Морского ведомства. Дирекция поручила М. П. Азанчевскому всесторонне обсудить на совете консерватории возможность обучения полковых музыкантов и «выработать правила о числе учеников и о распределении их по инструментам, о предметах преподавания и о плане занятий». Эти правила за время директорства Азанчевского были выработаны и высочайше утверждены. Первый выпуск музыкантов во флоте состоялся в 1877 году, через год после ухода Азанчевского с поста директора⁹.

Одно из первых директорских деяний Азанчевского связано с хлопотами о льготах в вопросе воинской повинности для учащихся консерватории. Запись в журнале заседания 2 декабря 1871 года:

М. П. Азанчевский заявил дирекции, что по приглашению тайного советника Гернгроса он присутствовал в заседании высочайше утвержденной комиссии о воинской повинности, бывшем 27 ноября. В этом заседании обсуждался вопрос о льготах, какие

---

⁹ См.: Финдейзен Н. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества (1859–1909). СПб., 1909. С. 54.

следовало бы предоставить учащимся Императорской академии художеств, театрального училища, певческой капеллы, консерватории и других заведений, где преподаются изящные искусства. При словесных объяснениях по этому предмету М. П. Азанчевский высказал мысль, что консерватория по важности влияния музыкального искусства на нравственное развитие народа и по обширности программы этого музыкального учебного заведения должна быть причислена по льготам относительно отбывания воинской повинности к первому разряду учебных заведений наравне с Императорской академией художеств.

Комиссия просила М. П. Азанчевского в подтверждение выказанного им мнения представить программу преподавания музыкальных предметов в консерватории.

Вследствие того М. П. Азанчевский представил дирекции проект записки, при которой он намерен внести в комиссию о воинской повинности программу преподавания музыкальных предметов в консерватории¹⁰.

Возможно, впервые высказанная здесь мысль *о важности влияния музыкального искусства на нравственное развитие народа* — своего рода motto М. П. Азанчевского в его программных заявлениях и в практической работе директора консерватории.

Отдельный сюжет в деятельности Азанчевского-директора — его последовательное и настойчивое стремление восстановить в консерватории то, что впоследствии стало именоваться оперной студией. Один из пунктов повестки дня в журнале заседания дирекции 28 июня 1876 года — проект устройства в консерватории «постоянной сцены для оперных упражнений». Вот несколько записей:

4 марта 1876 года

Об оперных упражнениях учеников консерватории

1. Заведующий консерваторией сообщил дирекции о том, что в текущем году на пятой неделе Великого поста, в субботу, назначено оперное упражнение учеников консерватории по примеру прошедшего года в Александринском театре. Для этого упражнения учениками, под руководством профессора Эверарди, разучиваются: опера «Дон-Пасквалле», соч. Доницетти и сцены из оперы «Фаворитка». Оркестр будет состоять из учеников консерватории, а для исполнения хоров приглашено несколько

---

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 26–26 об.

хористов обоого пола из хора итальянской оперной труппы. Декорации и костюмы будут доставлены театральной дирекцией, но, кроме того, понадобится сделать несколько городских платьев для ученицы Кутузовой и учеников Брагина и Сануся(?), для оперы «Дон-Пасквалле». Ввиду этого расхода, а также и платья хористам, вообще расходы по исполнению упомянутого оперного упражнения, простираются до 1288 руб. Ввиду этого обстоятельства заведующий консерваторией просил дирекцию назначить цены за места для лиц, желающих присутствовать на оперном упражнении учеников консерватории.

Постановлено. На оперное упражнение учеников консерватории предоставить места действительным и почетным членам с.-петербургского отделения... на основании устава общества бесплатно, а для прочих членов, родственников учащихся и лиц, приглашенных дирекцией, по прилагаемой ведомости, цены за места, за исключением галереи 4-го яруса и мест 5-го яруса, которые раздать учащимся консерватории бесплатно.

11 марта 1876 г.

Слушали: О выдаче преподавателям консерватории билетов на оперное упражнение учеников.

Заведующий консерваторией заявил дирекции о том, что на предстоящее оперное упражнение учеников консерватории он полагал бы выдавать профессорам и старшим преподавателям билеты в кресла, а прочим преподавателям билеты на места за креслами, с платою — кому угодно.

8 апреля 1876 г.

Заведующий консерваторией представил дирекции письмо профессора Эверарди о возобновлении с ним контракта, с добавлением к получаемому им вознаграждению в 4/т. рублей, еще одной тысячи, в сравнении с содержанием профессора Корси, или с платою ныне получаемых им 4/т. рублей по курсу, считая четыре франка за рубль.

Постановлено. В виду успеха оперных упражнений учеников консерватории под руководством профессора Эверарди и вообще значительной пользы, приносимой им консерватории, возобновить контракт с профессором Эверарди на три года, с производством ему вознаграждения, как обозначено в его настоящем контракте, по четыре тысячи рублей за учебный год, с платою оных по курсу, какой будет объявлен в газетах 1-го числа каждого месяца, считая четыре франка за рубль¹¹.

---

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 224 об, 226, 229–230.

Трудно было представить, что спустя немногим более года после вступления в должность директора консерватории Азанчевский будет вынужден подать прошение об отставке. При всем искусстве административной дипломатии, которым безупречно владел Азанчевский, ему все же пришлось вступить в открытый конфликт с августейшей покровительницей РМО, которая предприняла попытку предписать директору консерватории действия, противоречащие ее уставу. В прошении Азанчевский писал:

Ваше Императорское Высочество,

Прошедшего года в июне месяце Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было назначить меня заведующим С.-Петербургской консерваторией. Пользуясь благоприятным доверием Вашего Императорского Высочества и побуждаемый мыслью принести пользу музыкальному делу, я имел счастье как словесно, так и письменно излагать мои мысли, которые были вполне одобрены Вашим Императорским Высочеством.

Вчерашнего числа имея счастье представлять на благоусмотрение бюджет на будущий год и краткий отчет моей деятельности за прошедший год, я, к величайшей моей грусти, заметил, что Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было вставить [исправления? нрзб.] представленным мною бумагам, через что я убедился, что действия мои по управлению консерваторией не вполне соответствуют предначертаниям Вашего Императорского Высочества и не удостоивают тем доверием, которым я имел счастье пользоваться.

Вследствие сего, убежденный, что польза, которую мог бы я принести консерватории, осуществилась бы только тогда, когда, имея полное доверие Вашего Императорского Высочества, буду я в состоянии благоприятственно проводить мои предложения и планы под непосредственным Вашим Императорским Высочеством наблюдением, прошу всепокорнейше Ваше Императорское Высочество назначить другое лицо заведующим консерваторией, которому бы я смог сдать все дела и суммы по этому учреждению.

Принося Вашему Императорскому Высочеству мою величайшую благодарность за милостивое ко мне внимание, имею счастье быть
Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

Михаил Азанчевский
С.-Петербург
10 июня 1872 г.¹²

---

¹² ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 53 Л. 114–114 об.

Отставка не состоялась лишь в связи с внезапной кончиной покровительницы. Великий князь Константин Николаевич Романов, сменивший Елену Павловну на этом посту, полностью отказался от замыслов своей предшественницы, и Азанчевский получил еще какое-то время для реализации своих планов.

При Азанчевском в Петербургской консерватории были осуществлены преобразования, которые, вопреки установкам и требованиям императорского двора, способствовали упрочению и развитию рубинштейновских традиций, упрочению основ русского профессионального музыкального образования. Именно поэтому А. Рубинштейн, оценивая развитие Петербургской консерватории в десятилетие между 1867 и 1877 годами и признавая, что далеко не все отвечало его представлениям и идеалам, назвал, тем не менее, Азанчевского среди тех, «при ком соделано было много хорошего, даже чудесного»¹³.

Тепло отзывались об Азанчевском и музыканты, обучавшиеся в консерватории в годы его директорства. Так, отмечая, что Азанчевский был хорошо образованным музыкантом и одновременно «опытным чиновником-администратором», М. Ипполитов-Иванов подчеркивал, что «все учащиеся его очень любили как доброго и отзывчивого человека»¹⁴.

Третья докладная записка Азанчевского («Некоторые соображения о том, каким образом консерватория может оказать самое действенное содействие постепенному распространению правильного музыкального образования в русском обществе и народе») была направлена в дирекцию Петербургского отделения РМО 14 декабря 1872 года (см. Приложение)¹⁵. В ней ставился вопрос об участии консерватории в распространении музыкального образования в стране, о содействии эстетическому воспитанию и просвещению широких слушательских кругов. Азанчевский впервые говорит о необходимости подготовки консерваторией учителей пения и музыки для общеобразовательных школ. Эта сторона его деятельности имела широкий резонанс, и значение ее трудно переоценить.

Азанчевский предложил пригласить в Петербург для участия в симфонических и квартетных собраниях Сен-Санса (запись в журнале заседания 21 августа 1875 года). Концерт, организованный Азанчевским от имени РМО 23 ноября 1875 года, Ларош назвал самым большим петербургским триумфом Сен-Санса. Во время пребывания Сен-Санса в Петербурге

¹³ Рубинштейн А. Автобиографические рассказы. Цит. по: Баренбойм Л. Антон Григорьевич Рубинштейн. Т. 2. Л., 1962. С. 453.

¹⁴ Ипполитов-Иванов М. 30 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. С. 17.

¹⁵ См. Приложение.

Азанчевский постоянно и тесно общался с композитором; вероятно, он предложил Сен-Сансу профессию в консерватории. Косвенное, но притом авторитетное свидетельство тому можно найти у Лароша: «Я искренне желал бы, чтоб наша консерватория приобрела г. Сен-Санса навсегда. Но, как я слышал, желанию моему не суждено сбыться...»¹⁶ В планах Азанчевского было приглашение в состав консерваторской профессуры и знаменитой певицы Полины Виардо-Гарсиа¹⁷.

Замечательное начинание Азанчевского-директора — знаменитые просветительские симфонические концерты, в которых принимали участие педагоги и питомцы консерватории (журнал заседания 23 сентября 1871 года¹⁸). Инициатива Азанчевского — явление, по словам Лароша, «небывалое до сих пор». Первый концерт состоялся спустя неполных три месяца после обсуждения в дирекции предложения Азанчевского. Г. Ларош писал:

В воскресенье, 19 декабря утром был концерт «оркестра консерватории». Профессоры и бывшие ученики этого заведения соединились в один оркестр под управлением нынешнего директора ее, г. Азанчевского, для ряда концертов, на которые открыт абонемент подобно тому, как это делается в Музыкальном обществе и Бесплатной школе. Образцом для этого предприятия послужил оркестр Парижской консерватории... <...> Надобно заметить и то, что профессора и ученики разных выпусков здесь первый раз сплотились в некую оркестровую массу, что они привыкли играть врозь, в разных оркестрах, под разными дирижерами, или в квартетах и соло, а не вместе, что они не успели привыкнуть к своему новому капельмейстеру. Принимая в соображение все эти условия, я должен признать первую попытку, то есть концерт 19 декабря, вполне удачной. <...> В общем не могу не сказать, что первый концерт консерватории делает учреждению этому величайшую честь: помимо достоинств исполнения, помимо благотворной мысли самого предприятия таких концертов, отрадно видеть, что... учреждение, призванное стать центром всего нашего музыкального мира, имеет классическую традицию и уважение к великим памятникам прошлого, без изу-

---

¹⁶ Ларош Г. Музыкальные очерки. Два экстренных собрания Русского музыкального общества 20 и 23 ноября // Голос. 1875. № 327. Цит. по: Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Вып. 4. Л., 1977. С. 141.

¹⁷ См.: Финдейзен Н. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества. С. 54.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 20–20 об.

чения и понимания которых наше русское искусство не имело бы ни образцов, ни школы, ни будущего»¹⁹.

Азанчевский руководил и спектаклями, осуществляемыми силами учащихся консерватории, среди которых — отрывки, как это было принято, из опер «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Гугеноты» Мейербергера, «Севильский цирюльник» Россини, «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» Глинки.

Время директорства Азанчевского стало для консерватории периодом плодотворных организационных и методических исканий и перестроек. Вопреки настойчивым пожеланиям великой княгини Елены Павловны, августейшей покровительницы РМО, ограничить обучение в консерватории оркестровым, фортепианным и вокальным отделами, Азанчевский не только не закрыл так называемые «метафизические» (общеобразовательные) классы, но укрепил их положение и авторитет в учебном заведении. Он пригласил ряд новых преподавателей (кроме Римского-Корсакова, это выдающийся музыкальный ученый и критик Г. Ларош, взявший на себя руководство классами теории и истории музыки, певица И. Ирецкая и другие).

В бытность Азанчевского директором консерватории «Устав Императорского русского музыкального общества» был существенно изменен и дополнен: консерватории были отнесены к учебным заведениям первого разряда, окончившие полный курс ее получали диплом и звание свободного художника, льготы по отбыванию воинской повинности.

Азанчевский вышел в отставку 22 июля 1876 года. В благодарственном письме его коллег по руководству Петербургским отделением РМО и консерватории говорилось:

Милостивый государь Михаил Павлович!

Дирекция Санкт-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества вследствие заявления Вашего о невозможности продолжать занятие по должности заведующего консерваторией и директора общества долгом считает выразить Вам свое глубокое сожаление об обстоятельствах, побудивших Вас отказаться от добровольно принятых Вами на себя обязанностей, которые Вы исполняли с бескорыстным усердием и любовью к делу в течение шести лет. Сделанное Вами капиталъ-

---

¹⁹ Ларош Г. Музыкальные очерки. О программной музыке и «Антаре» г. Римского-Корсакова в особенности. Задача наших консерваторий. Задача петербургского оркестра консерватории. Первый концерт этого оркестра (19 декабря) // Голос. 1871. № 358. Цит. по: Ларош Г. А. Избранные статьи. В 5 вып. Вып. 4. Л., 1977. С. 77.

ное пожертвование музыкальных сочинений и редких автографов останется в библиотеке консерватории навсегда очевидным памятником Вашей особенной любви к развитию музыкального образования в нашем отечестве.

Искренне благодаря Вас за Ваши долговременные инициативные труды как по обществу, так и по консерватории, дирекция вменяет себе в приятную обязанность уведомить Вас, что она избрала Вас почетным членом Санкт-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества, о чем представлено на утверждение главной дирекции, вместе считать [что] состоявшееся 14 сентября 1866 года постановление Санкт-Петербургской дирекции о предоставлении Вам звания почетного библиотекаря СПб. консерватории, остается в своей силе. В заключение дирекция присовокупляет, что ею избран директором консерватории К. Ю. Давыдов.

Примите, милостивый государь, от всех подписавшихся уверения в чувствах глубокого к Вам уважения и искренней преданности²⁰.

Двадцать первого сентября 1876 года на заседании дирекции было оглашено письмо М. П. Азанчевского «с выражением благодарности за избрание его в почетные члены С.-Петербургского отделения [Русского музыкального общества] и за сохранение за ним звания почетного библиотекаря С. Петербургской консерватории»²¹. О причинах, побудивших его оставить руководство РМО и директорство в консерватории, Азанчевский писал Направнику:

Многоуважаемый Эдуард Францевич,

Вот как обстоятельства сложились — Вы меня уведомляете, что Вы не можете поехать в Байреит, и я также должен отказаться от этого путешествия, да еще к этому отказу добавить другой, это покончить с управлением консерваторией и отказаться от директорства РМО. Мои финансовые обстоятельства требуют того, чтобы я решительно переменил бы свой образ жизни, бросил бы Петербург и переехал в Москву, где, живши в своем уголку скромно и экономно, смогу надеяться опять выйти на прежнюю дорогу и таким образом приготовить себе безбедную старость. Своя рубашка ближе к телу, достаточно поработал для людей, теперь приходится подумать о себе.

---

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 10–11.

²¹ Там же. Л. 8.

На будущей неделе в понедельник или во вторник надеюсь быть в Петербурге для официального разговора в дирекции. Знаю, что ставлю дирекцию моим выходом в затруднение найти тотчас кого-либо на мое место, и обязуюсь открыть нынешний курс, но к 1-му января я должен быть окончательно свободен, для того чтобы переехать в Москву.

Итак, до скорого свидания.

Желаю Вам от всей души хорошенько поправиться и отдохнуть от Вашего кумысного лечения, остаюсь искренне Вас уважающий и преданный Вам

М. Азанчевский.

Мой нижайший поклон супруге Вашей. Моя Анна Ивановна осталась пожить в деревне у моей сестры, в Тамбовской губ[ернии], а я вот кончу в Москве и должен хлопотать по своим делам»²².

Как горько звучат слова о финансовых тяготах в устах человека, не только отдавшего жизнь музыкальному просвещению, но и вложившего свое состояние в библиотеку, принесенную в дар консерватории, отвергнувшего при том все самые заманчивые предложения иностранных комиссионеров о приобретении ее за огромные по тем временам деньги (пятьдесят тысяч золотом!).

Передовые — наиболее дальновидные и проницательные — современники отчетливо представляли истинное значение деятельности Азанчевского. Вот как описывал ее Ларош:

Без знаменитости виртуоза, без авторитета композитора, даже без прочных связей в петербургском обществе... он принялся за трудную и щекотливую задачу руководить коллегиальным учреждением... Он отдавался делу с любовью и энтузиазмом, пример которого в петербургском свете не часто приходится встречать. Жертвуя и досугом, и карьерой, и честолюбием артиста, и остатками потрясенного уже здоровья, г. Азанчевский почти одновременно устроил подготовительный отдел консерватории, оркестровый класс, ученические оперные спектакли, консерваторские концерты... обновил личный состав (особенно счастливою оказалась мысль пригласить Н. А. Римского-Корсакова, ставшего одною из главных опор учреждения) и ввел множество более мелких реформ и улучшений... Никто, служа делу, так мало не служил самому себе, как г. Азанчевский. От-

---

²² Письмо М.П. Азанчевского Э.Ф. Направнику 14 июля 1876 года // КР РИИИ. Ф. 21. Оп. 2. Ед. хр. 165. Л. 4–5 об. Публикуется впервые.

давая свои дни, а иногда и ночи трудам по консерватории, он нередко приносил ей еще и материальные жертвы, не пользуясь своим положением ни для каких личных целей. По бескорыстию и чистой пламенной любви к искусству это был директор идеальный... он был замечателен и по знанию дела во всех его разветвлениях, по строгому, чисто художественному отношению к искусству, по вражде к мишурным и призрачным успехам, к экзаменам напоказ, к облегченным в ущерб знанию выводам и вообще ко всякому верхоглядству и полужнанию под прикрытием диплома на художника²³.

Литература

1. Орлова А. А., Римский-Корсаков В. Н. Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова: летопись жизни и творчества. Вып. 2: 1867–1893 гг. Л.: Музыка, 1971. 375 с.
2. Римский-Корсаков Н. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Музыка, 1980. 454 с.
3. Баренбойм Л. Антон Григорьевич Рубинштейн. Т. 2: 1867–1894. Л.: Музгиз, 1962. 492 с.
4. Ипполитов-Иванов М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М.: Музгиз, 1934. 159 с.
5. Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Вып. 4. Л.: Музыка, 1977. 320 с.
6. Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Вып. 5. Л.: Музыка, 1978. 336 с.
7. Из истории Ленинградской консерватории: материалы и документы, 1862–1917 / Отв. ред. П. А. Вульфус. Л.: Музыка, 1964. 327 с.
8. Финдейзен Н. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского Русского Музыкального Общества (1859–1909). СПб., 1909. 77 с.

Приложение

*Докладная записка заведующего консерваторией М. П. Азанчевского великой княгине Елене Павловне о порядке управления консерваторией*²⁴

16 июля 1871 года

Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было назначить меня заведующим С.-Пб консерваторией. Считаю прежде всего за непременный долг принести всенижайшую благодар-

---

²³ Ларош Г. Музыкальные очерки. Перемена дирекции в Петербургской консерватории. Общество взаимного вспоможения русских артистов // Голос. 1876. № 263. Цит. по: Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Вып. 5. Л., 1978. С. 55.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 58. С. 1–3. Фрагменты записки опубликованы в: Из истории Ленинградской консерватории / Материалы и документы: 1862–1917. Л., 1964. С. 40–44.

ность за оказанное Вашим Императорским Высочеством мне доверие, я вменю себе в обязанность, представляя на милостивое благоусмотрение Вашего Императорского Высочества приблизительную смету на будущий курс 1871/72 года, вместе с тем изложить некоторые правила, коими считаю полезным руководствоваться при управлении С.-Пб консерваторией.

О приеме учащихся и о комплекте учеников

Так как консерватория дает возможность каждому поступающему в нее получить высшее музыкальное образование, то само собой разумеется, что прием учащихся должен быть настолько строг, чтобы соответствовать тем требованиям, которые впоследствии поставляются в обязанность исполнить всякому из ее учеников. Для этого вновь поступающий в собственно консерваторию должен быть старше 14 лет и доставить удостоверение о своем научном образовании. Моложе этого ученики могут быть приняты только с той целью, чтобы составить из них впоследствии вновь предполагаемое «приготовительное училище».

Имея в виду денежные ресурсы консерватории, Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было предназначить в принципе уменьшение комплекта 100-рублевых учеников с числа 200 на более меньшее. Не находя возможным по огромному числу в настоящее время учеников и вследствие сделанной уже публикации в прошлом июне месяце привести благое предначертание Вашего Императорского Высочества тотчас в исполнение, я нахожу нужным принять следующие меры для исполнения вышеозначенной цели.

1. Разделить остающихся в комплекте учеников на три категории: а) достойных по имеющимся у них отметкам немедленного исключения из комплекта; б) коим дать один льготный год с условием принять на себя обязательство в течение этого года выдержать экзамен из вперед назначенных предметов и в случае их отказа подвергнуть немедленному исключению и в) такие ученики, которые по правилам, принятым до сих пор к руководству, имеют право продолжить курс учения еще один год.

Сия мера должна быть объявлена тотчас при открытии курса как г[осподам] преподающим, так и комплектным ученикам.

2. Вновь поступающих не принимать в комплект, исключая только тех, которые поступят на объявленные вакансии в оркестровый отдел.

О сроках пребывания в консерватории

Срок пребывания комплектного ученика в консерватории не должен превышать 8 лет. В одном случае может быть сделано исключение, а именно для учеников, окончивших блистательно курс учения (6 лет для инструменталистов и 5 для пения) с аттестатом, если они пожелают изучать вполне теорию музыки, что доставит им право еще на 4 года пребывания в консерватории. Допущение пользоваться этим правом возможно только богато даровитым ученикам и испросив на то специальное разрешение высшей покровительницы консерватории.

Ученик обязан через два года сдать экзамен из элементарной теории. В случае же [если] ученик перешел из класса адъюнкта к профессору его специального предмета — дается ему один льготный год; но эта мера будет служить ему препятствием продолжать курс на диплом, т.е. по окончании теории элементарной и первого сольфеджио он может сдать обязательные предметы, для того чтобы получить аттестат, и в класс гармонии не переводится. Если же ученик перешел на третий год в класс гармонии и после года выдерживает свой теоретический экзамен для перехода в [класс] контрапункта, то он может получить один льготный (4-й) год, чтобы остаться у адъюнкта своего инструмента. Таким образом, впоследствии, если ученик, выдержав через год экзамен из контрапункта, вместе с тем переходит от адъюнкта к профессору своего инструмента, ему дается право оставаться у профессора еще три года и выдержать экзамен на диплом. Если же ученик, выдержав экзамен, переходит в класс канона и фуги и выдерживает удовлетворительно свой экзамен у адъюнкта, но не удостоивается для перехода к профессору, то ученик этот поступает как бы в разряд специалистов-теоретиков, т.е. по расчету баллов (отметок) для получения диплома.

При всех сих случаях все обязательные предметы должны быть пройдены и по ним [должен быть] сдан экзамен.

Ученик после одного года пребывания в консерватории может держать экзамен на аттестат и ни в каком случае не более шести лет (для инструменталистов) и пяти (для пения) оставаться для этого в консерватории.

Эти и многие другие правила, которые по характеру своему должны вступить в инструкцию консерватории, будут выработаны подробно в течение будущего года и представлены на благосклонное утверждение вашего императорского высочества.

О лицах, преподающих в консерватории

Из вновь ангажируемых лиц как преподавателей в консерваторию, кроме г. Римского-Корсакова и Лароша, о коих я имел счастье лично докладывать Вашему Императорскому Высочеству, мое намерение есть пригласить для класса элементарной теории и двух классов сольфеджио — двух еще преподавателей, а именно — г. Альбрехта, бывшего ученика Лейпцигской консерватории, и г. Саванели, ученика здешней консерватории. Приглашение г. Саванели как учителя элементарной теории имеет ту цель, чтобы он преподавал сии предметы певцам, так как г. Саванели кончил курс как певец в консерватории, то он лучше другого может заниматься с учениками, не имея влияния на постановку их голоса. Г. Краснокутский по уничтожению класса обязательной скрипки для теоретиков не будет вновь ангажирован, так же и г. Воячек, так как обязательная инструментовка перейдет к г. Римскому-Корсакову.

Преподавание в консерватории

Преподавание в консерватории в общих чертах будет состоять в оркестровом отделе, пении и фортепиано. Специально теоретики не будут обучаемы, ввиду того, что такого рода ученики по выходе из заведения не могут практически и с пользой для себя применять свои познания. Оркестровый отдел по принятому плану, утвержденный вашим императорским высочеством, будет постепенно укомплектован, так что надо надеяться, что еще через год С.-Пб консерватория будет в состоянии иметь удовлетворительный оркестр. Преподавание инструментов останется на прежнем основании, так же точно, как преподавание пения.

План и метод преподавания теории музыки значительно изменяются в том, что ученики ведутся, начиная с гармонии, одним и тем же преподавателем до конца, т. е. гармония — один год, контрапункт — другой год и канон и fuga — третий год. Элементарное обучение будет в руках трех отдельных преподавателей и высшее практическое применение теоретических знаний так же, а инструментовка будет в руках особого профессора.

Класс совокупной игры под непосредственным моим заведованием будет служить подготовкой для публичных вечеров в консерватории; собственно же говоря квартетный класс останется в руках профессора скрипки.

<...>

Необходимо предоставить право директору консерватории следующие дисциплинарные меры приводить в исполнение лично своей властью, а именно: 1) простой выговор ученику, 2) выговор ученику в присутствии всего класса, 3) выговор ученику с написанием его фамилии на доску и с означением вины, за которую ему сделан выговор. Троекратное повторение последней меры дает право директору испрашивать дозволения у покровительницы исключать провинившегося из числа учащихся в С.-Пб консерватории.

О приготовительном училище

Для приведения в исполнение благих предначертаний Вашего Императорского Высочества мною будет выработан план устройства приготовительного училища для С.-Пб консерватории с той целью, чтобы из него поступали одни только талантливые и вместе с тем те ученики, которые выбирают музыкальное искусство своей специальностью и единственным занятием своей жизни, т. е., одним словом, которые хотят быть музыкантами. Беру на себя смелость при этом заметить, что, имея в виду, что музыкальное развитие в России будет все более и более развиваться и что для него потребуется [много] серьезных деятелей, для того чтобы вести это искусство вперед, само собой явится необходимость сравнивать [права] музыкантов с правами и положением тех людей, которые выбрали другого рода специальность, приносящую у нас в России более [высокие] нравственные и материальные отличия.

Затем одним из первых моих стараний будет вызвать под покровительством РМО некоторых частных деятелей, для того чтобы устроить несколько меблированных квартир для недостаточных учеников, также для тех, коих родители, не имея возможности переселяться в С.-Петербург, могли без страхаверить лицам, заведующими сими квартирами, надзор и уход за своими детьми, желая их отдать учиться в консерваторию в С.-Петербург.

Повергая на милостивое рассмотрение Вашего Императорского Высочества те краткие мысли и принципы, коими я имею твердое намерение руководствоваться в дальнейшей моей деятельности, не могу еще не прибавить, что неперменным моим долгом будет всегда точное исполнение благих предначертаний Вашего Императорского Высочества относительно С.-Петербургской консерватории и РМО.

Директор М. Азанчевский.

*Некоторые соображения о том, каким образом консерватория может оказать самое действенное содействие постепенному распространению правильного музыкального образования в русском обществе и народе*²⁵

14 декабря 1872 года

Распространение правильного музыкального образования имеет огромное и самое существенное значение для облагораживания и нравственного возвышения общества и народа: это признается в настоящее время несомненною истиною, и самым действительным и верным средством для этого считается обучение музыке и пению во всех общеобразовательных средних и начальных училищах. Вот почему в учебных планах этих училищ вместе с другими предметами всегда означается и музыка и пение или, по крайней мере, одно пение. Но само собой разумеется, что обучение этим искусствам только тогда может оказать благотворное влияние на нравственное развитие учащихся, если оно будет ведено педагогически правильно. Для этого же прежде всего необходимы: 1) хорошо приготовленные учителя музыки и пения, 2) правильно составленные программы преподавания этих искусств в начальных и средних общеобразовательных училищах и 3) учебники, написанные по таким программам и заключающие в себе весь необходимый учебный материал, расположенный в последовательной педагогической системе.

Из наиболее образованных западноевропейских государств, преимущественно в Германии и Швейцарии обращено самое заботливое внимание на правильное обучение пению и музыке в начальных народных и средних школах (гимназиях, реальных училищах). Уже в начале двадцатых годов текущего столетия молодые люди, приготовлявшиеся в учительских семинариях к званию народных начальных учителей, обязаны были учиться музыке и пению, чтобы потом обучать, по крайней мере, пению в народных училищах. В то же время начали появляться и первые педагогические руководства для обучения этим искусствам в школах и составленные с этой целью сборники школьных песен, приспособленных по своему содержанию и языку, а также и в музыкальном отношении, к различной степени умственного и нравственного развития и к голосовым средствам учащихся детей. В сороковых годах были учреждены первые «детские сады» Фребеля для занятий с детьми дошкольного возраста, от 4

---

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 81–93 об. Публикуется первый раздел записки. Отдельные фрагменты записки опубликованы в: Из истории Ленинградской консерватории. Материалы и документы. 1862–1917. Л., 1964. С. 271–274.

до 7 лет; детские игры в этих «садах», заимствованные из народной жизни, сопровождаются постоянно самыми простыми припевами, и таким образом уже в самом нежном детском возрасте кладется начало постепенному развитию слуха и музыкального чувства детей на простых народных мотивах²⁶. Конечно, сначала дело шло очень медленно и представляло много неправильных, ошибочных попыток, но в настоящее время достигнуты уже значительные результаты: выработаны и определены программы обучения музыке и пению в начальных и средних учебных заведениях, составлены для этого необходимые учебные руководства и сборники песен и установлена, в известной степени, педагогическая система приготовления учителей и учительниц этих искусств. Кто же положил начало всему этому? Частные лица и общества; правительства же оказали свою помощь и приняли обучение музыке и пению в школах под свое покровительство и руководство только тогда, когда на самом деле увидели пользу этого великого дела для нравственного возвышения и облагораживания общества и народа. Теперь обучение пению в германских народных школах так же точно обязательно, как и всем другим предметам, и училищные инспектора обязаны предоставлять подробные отчеты о ходе и об успехах преподавания пения в школах, наравне с отчетами по другим предметам.

В нашем отечестве ничего этого еще не существует. У нас нет ни педагогически подготовленных учителей музыки и пения, ни определенных программ для преподавания этих искусств в различных школах, ни необходимых для сего учебных руководств и сборников. Мы можем, конечно, воспользоваться тем, что уже сделано в этом отношении в Германии, и вести дело правильнее и скорее, но кто может положить основание этому великому делу — постепенному распространению правильного музыкального образования в русском обществе и народе как одному из самых вернейших и действительнейших средств к возвышению нашего нравственного общественного и народного уровня?

Нам кажется, что почин в этом великом деле ближе всего должен принадлежать первой русской консерватории. Сохраняя и выполняя свое первоначальное и ближайшее назначение образовывать артистов музыкального и вокального искусства, солистов, оркестровых музыкантов и т. п., наша первая русская консерватория вместе с тем, без всякого сомнения, употребит и все зависящие от нее средства для того, чтобы положить прочное начало постепенному распространению правильного музыкального образования в русском обществе и народе.

---

²⁶ Фребель, Фридрих (1782–1852) — немецкий педагог, теоретик, создатель системы дошкольного воспитания. «Детский сад» — идея и термин Фребеля.